

wie eine Katze sein ‘живуч как кошка’, *auf die Füße wie die Katze fallen* ‘он, как кошка, все на ноги падает’. Эти фразеологизмы отражают одобрительное отношение к жизнестойкости и выносливости животного.

Таким образом, во фразеологических единицах немецкого и русского языков отражается картина мира, непосредственно окружающего человека, а наблюдения над домашними животными позволяют человеку богаче, полнее, образнее отражать многообразные жизненные ситуации. Кошка является одним из наиболее популярных персонажей русской и немецкой паремии и фразеологии. Представление об этом животном у двух народов, отраженное во фразеологизмах немецкого и русского языков, в целом имеет много общего. Различия между обоими языками наблюдаются в единичных случаях (например, русский фразеологизм *драная кошка*, не имеющий аналога в немецком языке).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высших учебных заведений / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 208 с.
2. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GK04119#XGK04119. – Дата доступа : 04.09.2017.

Р. Ф. Сахарова (Минск, Беларусь)

ЧЕРЕЗ ВНУТРЕНнюю ФОРМУ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ – К ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ (на материале немецкого и белорусского языков)

«В понятии внутренней формы слова содержится ряд идей о принципах познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире, отраженных в слове, о познавательной функции языка и т.д.» [1, с. 122].

Одной из характерных черт современной лингвистики является ее стремление выявить и описать когнитивные механизмы языковой репрезентации явлений внешнего и внутреннего мира человека. При этом одним из путей достижения этой цели представляется установление первичного образа, лежащего в основе возникновения языковой единицы. «Возможность выявить механизмы появления новых значений, т.е. расширения и развития

соответствующей категории, а значит, и реконструировать принципы и механизмы мыслительной деятельности» [1, с. 122] дает обращение к внутренней форме единицы.

Данное положение стало отправной точкой при определении задач анализа устойчивых сочетаний со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках. Обращение к внутренней форме привлеченных к исследованию языковых единиц позволило сделать вывод, что в двух языках эмоции о с о з н а ю т с я как состояния, имеющие конкретные физиологические проявления / ощущения, описание которых используется в процессе номинации эмоций: напр., нем. *vor Zorn weinen* 'плакать от гнева', *rot, blass vor Zorn sein* 'покраснеть, побледнеть, от гнева', *vor Wut heulen* 'выть от гнева'. бел. *трэсціся ад гневу, плакаць ад гора, набляднець ад страху* (подробнее см. [2]). При этом следует также отметить, что данные физиологические проявления / ощущения могут описываться не напрямую, а через призму объектов или действий внешнего мира, приобретенного ранее опыта: напр., нем. *j-m dreht sich das Herz im Leibe (her)um* 'досл. у кого-л. Переворачивается сердце', бел. *сэрца пераварочваецца*. Приведенные примеры фиксируют ощущаемые человеком изменения в работе сердца, которые осознаются через сравнение с конкретным опытом переворачивания чего-л. В примере нем. *sich in Tränen auflösen* 'досл. раствориться в слезах' фиксируется опыт растворения чего-л. в жидкости: *auflösen* ((in einer Flüssigkeit) zerfallen lassen 'раствориться (в какой-л. жидкости)'). В подобном примере бел. *аблівацца слязамі (слязьмі)* зафиксирован опыт обливания себя чем-л. (напр., водой).

Исследователь Н. Д. Арутюнова указывала на то, что внутренний мир человека моделируется по образу внешнего, материального мира, поэтому основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах [3]. Данный факт доказывает привлеченный к исследованию материал: для репрезентации эмоций могут использоваться такие глаголы, как нем. *teilen* 'поделиться', бел. *падзяліцца* (напр., радостью), т.е. в основе концептуализации эмоций лежит первичный, по-новому о с о з н а н н ы й опыт.

Данную закономерность демонстрируют следующие примеры: нем. *flammender Zorn* 'пылающий гнев', бел. *агністы, пякельны гнеў, баяцца як агню*: человек описывает эмоции, используя древнейший опыт, связанный с горением или огнем. При этом выбор именно данного опыта, по нашему мнению, не является случайным. Страх – негативная эмоция, обусловленная наличием какой-либо реальной или предполагаемой опасности. Человек же издревле боялся пожаров (напр., вызванных ударом молнии). Как следствие, сравнение испытываемой эмоции с объектом сильного страха стало устойчивым сочетанием. При описании другой негативной эмоции – гнева – человек также использует сравнение ее с огнем, однако в данном случае в основе сравнения лежит знание об огне как о чем-то ярком, пылающем, а также опыт, вызванный прикосновением к чему-то горящему.

Проанализированные примеры доказывают, что анализ, во-первых, внутренней формы языковых единиц помогает установить, «насколько активно какая-либо структура знания участвует в представлении новых ментальных содержаний¹ Это позволит сделать вывод о степени релевантности тех или иных структур знания в картине мира определенного народа» [1]. Во-вторых, как было упомянуто выше, анализ внутренней формы – это путь к установлению механизмов мыслительной деятельности человека.

Таковыми механизмами, лежащими в основе языковой репрезентации эмоций в немецком и белорусском языках, являются механизм **метонимии** – механизм мышления/осознания по смежности (подробнее о метонимии см. [4]): описываются телесно-физические проявления эмоций, т.е. телесно-физическое выступает вместо психического: нем. *vor Freude springen* ‘прыгать от радости’, бел. *скакаць ад радасці*, и механизм **метафоры** – механизм мышления/осознания по аналогии (эмоция в данном случае осознается как некая сила): нем. *Wut erfasst, packt* ‘гнев охватывает (досл. схватывает)’, *Angst ergreift, packt* ‘страх охватывает (досл. схватывает)’ или бел. *гнеў бярэ каго-небудзь, гора ахапіла кагосьці*.

Однако «распознать» механизм, лежащий в основе образования единицы, не всегда легко. Немецкий фразеологизм [*Gift und*] *Galle spucken* употребляется сегодня в значении *sehr wütend sein, ausfallend, gehässig reagieren* ‘быть в сильном гневе, агрессивно, злобно реагировать’ и содержит имя существительное *Galle* ‘желчь’. Желчь с давних времен является символом всего горького, неприятного, напр., нем. *bitter wie Galle* ‘досл. горький как желчь’. Использование данного имени существительного при описании гнева позволяет сделать вывод, что проявление гнева интерпретируется как нечто неприятное. Кроме того, гнев в данной единице сравнивается с ядом, который «выплевывает» змея, когда кусает человека, так и человек «выплевывает» («выплескивает») свой гнев на окружающих [5]. Однако, если рассмотреть данную единицу с точки зрения физиологии, то следует обратить внимание на то, что при переживании гнева повышается уровень выделяемой в организме человека желчи, что также находит отражение в языке: напр., нем. *j-m läuft die Galle über* ‘досл. у кого-л. желчь переливается через край’ имеет значение ‘кого-л. охватывает гнев’, т.е. в единице нем. [*Gift und*] *Galle spucken* лексема *Galle* ‘желчь’ употребляется вместо всей эмоции. Следовательно, в основе образования единицы, которая может содержать факультативный компонент ‘[*Gift und*]’, лежит механизм осознания по смежности.

¹ В процессах языковой репрезентации эмоций в немецком и белорусском языках это, в первую очередь, опыт «физический» переосмысленный на основе какого-л. древнейшего опыта (подробнее см. [2])

Такое подробное обращение к этимологии при анализе языкового материала позволяет установить, что в основе образования данной единицы лежат одновременно два механизма – механизм метафоры и метонимии. Подобное явление получило в лингвистике название **метафтонимия** и сегодня приобретает все большее внимание со стороны лингвистов. Однако следует заметить, что, говоря о перспективах исследования фразеологических единиц с когнитивной точки зрения, еще в 2010 г. (!) Е. С. Кубрякова и Н. В. Фурашова писали о необходимости обратить внимание на данное явление: изучение метафтонимии может «внести свой вклад в изучение ментальных процессов, протекающих в сознании человека» (подробнее см. [6]). И, как демонстрирует привлеченный к исследованию материал, именно механизм метафтонимии является главным механизмом языковой репрезентации эмоций в сопоставляемых языках.

Таким образом, анализ устойчивых сочетаний со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках подтверждает тезис Н. В. Фурашовой о том, что «внутренняя форма слова как первичный образ, служит для осознания и представления новых данных» и позволяет реконструировать принципы и механизмы мыслительной деятельности человека [1, с. 116].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурашова, Н. В.* О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений / Н. В. Фурашова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 116–123.
2. *Сахарова, Р. Ф.* К истокам вербализации эмоций: от ощущения к фразеологизму / Р. Ф. Сахарова // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 октября 2016 г. / редкол. : Н. В. Фурашова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 199–203.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русс. культуры, 1999. – 896 с.
4. *Фурашова, Н. В.* О «восстановлении статуса» метонимии в семантических исследованиях на примере немецкого языка // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2009. – № 1. – С. 161–165.
5. Duden. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache / hrsg. von der Dudenredaktion. – 5., neu bearb. Aufl. – Berlin, Mannheim, Zürich : Dudenverl., 2014. – 954 S.
6. *Кубрякова, Е. С.* О перспективах исследования фразеологизмов с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова, Н. В. Фурашова // *Słowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w traucyjnych i nowych paradygmatach naukowych.* Pod red. M. Aleksiejnki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2010. – P. 74–81.